СТАНИСЛАВ СЕСТРЕНЦЕВИЧ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ В РОССИИ В 1796-1801 ГГ.

ММ. Галанов

Проблема взаимоотношений российского самодержавия и Римско-Католической Церкви, в том числе и в царствование Павла I, имеет обширную историографическую традицию[1]. Однако вопрос о взглядах первого «митрополита всех римско-католических церквей в России» Станислава Сестренцевича-Богуша (1731-1826) на взаимоотношения внутри иерархических структур РКЦ и влиянии российского самодержавия на них и на трансформацию воззрений Сестренцевича, специально практически не рассматривался[2].

Современная исследовательница М.А. Петрова отмечает: «Сестренцевича неоднократно упрекали в том, что он хотел быть независимым от Святого Престола. Создание новых крупных епархий позволило бы нейтрализовать влияние Рима на бывших польских землях. По выражению оппонентов архиепископа, у него было желание сделаться чем-то вроде российского папы... По-видимому, устройство церкви через независимые религиозные общины было ему чуждо, он выступал за сильную власть, способную обеспечить единообразие церковной жизни»[3].

В письме папскому нунцию в России Лоренцо Литте, направленном в Варшаву 27 января 1797 г., Сестренцевич требует, во-первых, восстановления для себя свободной переписки с Римом (была запрещена Екатериной II - М.Г.) и, во-вторых, «установить—иерархические прерогативы Примаса над остальными епископами и, соответственно, организовать отношение к нему епископов»[4].

В марте того же года в письме сотруднику Сената генерал-лейтенанту, барону Ф.М. Брискорну архиепископ Могилевский предлагает издание императорского указа, который: 1. Отменит должности провинциалов, визитаторов, орденских генералов и установит его прямую юрисдикцию над монахами; 2. Стимулирует занятия монахами наукой; 3. Объявит материально ответственными за финансово-хозяйственную деятельность монастырей приоров, которые лично будут отвечать за хищения и убытки; 4. При малом количестве монахов в монастыре разрешит епископу на вакантные должности назначать монахов из других монастырей; 5. Предоставит епископам полномочия платить жалованье учащемуся духовенству; 6. Обяжет помещиков помогать в поиске кандидатов на вакансии приходских священников; 7. Установит прямую ответственность епархиальных архиереев за решения своей консистории; 8. Даст немецких проповедников нуждающимся церквам и организует отдельную Лифляндскую епархию; 9. Разделит Пинскую епархию на две отдельные; 10. Луцкую епархию присоединит к архиепископии; 11. Выделит отдельную Белорусскую епархию[5].

[1] *Галанов М.М.* Российская историография проблемы взаимоотношений российского самодержавия и римско-католической церкви в годы царствования Павла I // Научные ведомости Белгородского государственного университета / Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 1(72). Вып.13. С. 121-127.

[2] *Галанов М.М.* Трансформация взаимодействия самодержавия и католической церкви в годы царствования Павла 1 (опыт анализа руководящих документов римско-католической церкви на территории России) // Власть и общество в России: историческая трансформация и технологии взаимодействия: Сборник научных статей. Вып.2 / Под ред. Л.Н. Гончаренко и В.А. Лимонова. СПб, 2008. С. 60-68; Он же. Взгляды Станислава Сестренцевича на управление Римско-католической церковью в России (1796-1801) // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность. V научно-практическая конференция 22 мая 2009 г. / Тезисы докладов. СПб, 2009. С. 175-177.

[3] *Петрова М.Л.* Иезуиты в церковной политике Павла 1 // Россия и иезуиты: 1772-1820 / Сборник статей. М., 2006. С. 163.

[4] Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Ч. 1 / пер. В. Криксина // Старина и новизна (исторический сборник). 1913. Т. 16. С. 2.

[5] Там же. С. 8-10.

В дневнике 13 марта Сестренцевич пишет о необходимости указа, «чтобы все католические, как римские, так и униатские монахи монашеского Ордена, под каким бы наименованием они не существовали, не исключая иезуитов, были так же подчинены одним и тем же начальствующим лицам, подобно тому, как светское духовенство подчинено своим архиепископам...»[1].

28 октября того же года папский нунций Л. Лита посетил Сестренцевича и доказывал ему, что для Католической Церкви впоследствии может оказаться вредным запрещение епископам сноситься непосредственно с Римом, так как право общения с Ватиканом архиепископ хотел оставить только себе. Он тут же заявил, что согласен с гостем, а авторство этой идеи приписал департаменту иностранных исповеданий[2]. В неотправленном письме кн. А.Б. Куракину от 16 февраля 1798 г. Сестренцевич говорит о том, что независимость монашеских общин от власти епископов и разрешение на свободные выборы повлекут за собой «самые неблагоприятные последствия»[3].

3 ноября 1798 г. императором был утвержден «Регламент для церквей и монастырей Римско-католического исповедания в Российской империи», который отменял выборность монашеских должностей и утверждал право епископа определять на эти должности людей по своему усмотрению (ст. 7). В статье 3 было сказано, что «... все монахи и монахини без изъятия обязаны быть во всем послушными епархиальному архиерею», который назначал настоятелю помощников (викарного, прокуратора). Статья 16 требовала финансовых отчетов монастырей перед епископами[4]. Автором проекта этого документа и главным инициатором его принятия стал Сестренцевич.

В тот же день был высочайше утвержден доклад Сената, который запрещал съезды монахов римско-католического исповедания на капитулы для избрания чинов в разные монастырские должности и предоставлял архиереям как право назначения на эти должности, так и право осматривать (визитовать) монастыри и церкви[5].

Наряду с полным подчинением себе римско-католического и униатского духовенства Сестренцевич помышлял об учреждении в России «католического провинциального синода», проект которого был им подготовлен в виде записки «De la Hierarchie de l'Eglise Catholique dans l'Empire» («Иерархия Католической Церкви в Империи»). Вот что он писал: «Что же касается до дисциплины и внутреннего управления церковью в России, то они должны находиться в ведомстве местных епископов, русских подданных, избираемых верховной властью и посвящаемых митрополитом по благословению папы. Епископы должны пользоваться той же властью, которой пользовались в продолжение первых десяти веков христианской церкви, пока папа Григорий VII не отнял у них этой власти. В первоначальной церкви вся внутренняя юрисдикция в епархиях принадлежала епископам...и епископы соединялись в соборы. Поэтому необходимо епископов подчинить постоянному синоду, который бы находился в Петербурге»[6].

В состав этого синода должны были входить духовные лица, назначаемые императором, а председательствовал бы в нем митрополит, «когда приедет в столицу для осмотра церквей его епархии»[7]. Представлять государственную власть в синоде надлежало гражданскому прокурору, который имел право задерживать исполнение синодальных постановлений, если они казались ему «сомнительными, превышающими власть духовную или...противными государственным законам»[8], и передавать их на рассмотрение Сената.

Идея «католического синода» пришлась по душе многим православным архиереям, в том числе заседавшим в Святейшем Синоде архиепископу Санкт-Петербургскому Амвросию (Подобедову) и архиепископу Псковскому Иринею (Клементьевскому), а так же графу Ф.В. Ростопчину, обещавшему Сестренцевичу свое содействие в этом вопросе. Но митрополит шел еще дальше - он стремился сблизить и уравнять между собой все католические ордена в пределах России: «Папы римские ...разнообразили до крайности монашеские сословия, освободив их

[1] Там же. С. 8.
[2] Там же. С. 82-83.
[3] Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Ч. 2 .1914. Т. 17. С. 206.
[4] Полное собрание законов Российской империи. Серия 1 (ПСЗ-1). СПб, 1830. Т. 25. № 18734. С. 436-438.
[5] Там же. № 18733. С. 435-436.
[6] *Лушпай В.Б.* Иезуиты в России второй половины XVIII века / Дис.канд. истор. наук. М., 2002. С. 127.
[7] Там же. С. 128.
[8] Там же.

от подчиненности епископам и законным государям и предоставив управление ими вполне орденским генералам, живущим в Риме: им одним монахи дают обет повиновения. Кроме того, обязывая монахов не иметь частной собственности и не вступать в брак, они отчуждали их тем самым от отечества, родства и семейства, равно как и от повиновения власти государственной, так что они беспрекословно исполняли повеление своего генерала, в чем бы оно не состояло, хотя бы в сложении с подданных присяги повиновения их законному государю, и в таком случае сами переходили в чужие края, в монастырь их ордена, который заменял им отечество»[1].

Архиепископ Могилевский предлагал следующие пути устранения сложившейся ситуации: «1) все монашеские сословия подчинены будут исключительно епархиальным епископам, 2) когда им запретится всякое сношение с их генералами, 3) когда, вступая в монашество, они будут давать обет духовной подчиненности местному епископу, как бы орденскому их генералу, и 4) произнесут предварительно присягу верноподданства государю...»[2].

Однако идея католического синода не нашла отклика у Павла I, и два года РКЦ жила по Регламенту от 3.11.1798. Одолевшие Сестренцевича при императорском дворе иезуиты в декабре 1800 г. инициировали новый регламент жизни Католической Церкви - высочайше утвержденные пункты «Об управлении Римско-Католическим Духовенством в России», дававшие свободу от епархиальных архиереев монастырям и монашеским орденам[3]. После смерти Павла I новый император вернул Сестренцевича к исполнению своих обязанностей. Митрополит написал Александру I докладную записку «Изображение происшествий в духовенстве западного последования, в России пребывающем, от того времени как поручено оное епископу, а ныне митрополиту Сестренцевичу Богушу», в которой изложил свои претензии к иезуитам.

По мнению автора, иезуиты неправомерно обвинили его в плохом управлении и слабой борьбе с вольнодумством. Они сами нарушили правила Тридентского собора (1720 г.), по которым монахи не могут управлять приходами без разрешения архиереев, когда захватили церковь св. Екатерины в Петербурге. Обвинение в неисполнении им в России папских установлений о монахах он так же отверг[4].

Сестренцевич жаловался, что его преемник Я. Бениславский добился для себя и членов консистории выплат из жалованья бывшего начальника Римско-католического департамента, чем довел его имения почти до полного секвестра. Регламент, инициированный иезуитами в декабре 1800 г., по мнению митрополита, вел к неподчинению монахов, бродяжничеству, распутству, отчуждению от гражданских и церковных властей[5].

Сестренцевич поставил в вину иезуитам, что контролируемый ими Виленский университет за тридцать лет не дал ни одного известного ученого.

Кроме этого, их обвинили в нарушении ст. 36 Регламента от 12.02.1769 г. о воспитании греко-римского юношества. Митрополит писал: «Ибо и наставление юношества неприлично вовсе людям безжизненным, неспособным чувствовать влияний природы, ни тех обязанностей, которые могут питать родители к детям и родные к родным. Андрология, которую наипаче всего при воспитании юношества наблюдать должно, совсем неизвестна монахам»[6].

В завершение критики иезуитов прозвучало обвинение в отношении Бениславского, который, будучи в Риме до рукоположения своего в сан епископа, заставил написать свой портрет в архиепископском облачении с крестом и перстнем, что явилось нарушением всех канонов и проявлением нескромности[7]. В целом, подводит итоги Сестренцевич, в те полгода, когда во главе РКЦ в России стояли иезуиты, были сделаны «многие несправедливости», которые он будет исправлять[8].

«Исправление несправедливостей» не заставило себя долго ждать. 16 июля 1801 г. Александр I распорядился создать комитет для изучения положения, сложившегося в РКЦ России. 13 августа вновь

[1] Там же. С. 128-129.
[2] Там же. С. 129.
[3] Галанов М.М. Руководящие документы римско-католической церкви в России в годы царствования Павла I (сравнительный анализ) // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность / IV научно-практическая конференция 16 мая 2008 г.. Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб, 2008. С. 176-177.
[4] Докладная записка Станислава Сестренцевича Александру I (сообщил А.Н. Попов) // Русский архив. 1870. № 10. Стб. 1749-1751.
[5] Там же. Стб.1752-1756.
[6] Там же. Стб.1758-1762.
[7] Там же. Стб.1764.
[8] Там же. Стб. 1765.

назначенный генерал-прокурор А.А. Беклешов представил Сенату доклад комитета «Положение о духовном и церковном Правительстве Римско-Католического закона в России», штат Римско-католической духовной коллегии, выписку из мемориала о неудобстве Сестренцевичу быть главным над униатами и записку Т. Ростоцкого о восстановлении его в прежнем сане и о предоставлении униатам собственного управления[1].

Штат духовной коллегии определялся в 17450 рублей в год. Разницу 1050 рублей (а прежний штат был 18500 руб.) Комитет предложил отдать на прибавку жалованья членам коллегии Бениславскому и Бышковскому[2].

Как в докладе, так и в мемориале была дана оценка роли Сестренцевича и причин его освобождения от занимаемых должностей, причем она была диаметрально противоположной. В докладе говорилось, что «...удаление его без формального отрицания или без судебного приговора может почтено быть увольнением только временным и управление Епархии, порученное Епископу Бениславскому, викарным, а потому не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Высочайше повелеть, вступить ему Сестренцевичу в управление Епархии его и с тем вместе председательствующим Членом в Духовную Коллегию, с получением полного жалованья, положенного как по сану Архиепископа Могилевского, так и по званию председательствующего Члена Духовной Коллегии»[3].

Те же самые авторы мемориала объясняли, что «... источник бывших несогласий между Католическим духовенством проистекал от безмерной власти, каковая была поручена Митрополиту Сестренцевичу, который под названием Архиепископа Могилевского, Митрополита Римско-Католического в России и начальника Юстиц-коллегии, имел в руках совокупленные все власти так, что жалующиеся, перенося апелляцию от первой инстанции в другую и в последнюю, везде находили Сестренцевича, или в виде Архиепископа, или Митрополита, или начальника Коллегии, имеющего влияние на оный суд одним Судиею»[4].

Далее в докладе анализируется записка бывшего униатского митрополита Тадеуша Ростоцкого. Комитет отмечает напоминание последнего о том, что согласно папской булле назначение униатских епископов является прерогативой униатского митрополита, но поскольку Императорский указ от 28 апреля 1798 г. ничего не упоминает о «духовной власти Митрополита Униатского», то назначенные униатские епископы по всем вопросам должны обращаться в Рим. Кроме того, Ростоцкий указывает, что по апелляции на епархиальные консистории дела поступали митрополиту, а монашеские ордена избирали своих начальников под председательством митрополита, или назначаемого им епископа. Поэтому бывший глава униатской конфессии предлагает восстановить «свой сан со свойственной ему духовной властью». Кроме этого, он хочет «возвратить его Ростоцкого в прежнюю его Епархию, предоставить Униатам право иметь своих заседателей в Коллегии по выбору Митрополита, дать свободу Униатскому монашеству избирать самому высших и низших себе начальников и во всем, что касается до внутреннего управления по их ордену...»[5].

Сенат нашел составленные Комитетом «Положение и штат соответствующими образу Государственного правления и состоянию Римско-католических духовных дел», согласился с возвращением Сестренцевича к должностям и окладам и сохранением Бениславского и Бышковского членами коллегии, а также с удовлетворением выбранных заседателей по штату коллегии. Сенат предложил систему «сдержек и противовесов» против монополизации власти Сестренцевичем. В нее входили: 1. подчинение епархиальных архиереев не митрополиту, а коллегии; 2. решение всех дел, подотчетных коллегии, коллегиально, а не по воле президента; 3. изъятие у митрополита права быть единственным судьей в своей епархии и передача права «последнего слова» консистории.

Сенат сделал следующий вывод из реформы полномочий Сестренцевича: «А потому при Высочайшей доверенности, какою удостоен в возложенном сане Митрополит Сестренцевич и при предложенных законных правилах, в пределе права и власти ему порученных, не настоит причины к опасению каких-либо противных последствий»[6]. Сенат так же отказал униатам в реформе управления ими[7].

[1] ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. 26. № 20053. С. 823.
[2] Там же. С. 824.
[3] Там же. С. 825.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. 26. № 20053. С. 826.
[7] Там же. С. 827.

Таким образом, комитет, готовивший документы по реформе управления Римско-Католической и Греко-Римской (униатской) Церквами, и Сенат, их утверждавший, рекомендовали Александру I вернуть Сестренцевича обратно к руководству этими конфессиями, но при этом проанализировали причины, приведшие к узурпации им духовной власти при Павле I, и дали рекомендации, как ее избежать в дальнейшем. Как уступку Сестренцевичу можно рассматривать факт непредоставления униатам отдельного руководящего органа и отказа в восстановлении сана униатского митрополита, но она была омрачена оставлением в составе коллегии открытых его врагов - Бениславского и Бышковского.

13 ноября 1801 г. император утвердил доклад Сената «О восстановлении духовного и церковного Правительств Римско-Католического закона в России». Таким образом, вступило в законную силу «Положение для духовного и церковного Правительства Римско-Католического закона». Первым пунктом этого документа епархиальные консистории провозглашались центрами решения «дел духовных и церковных, к догматам веры и правам каноническим относящихся». Главной над ними становилась «Римско-Католическая Духовная коллегия» - так теперь стал называться бывший «Департамент Римско-Католических Юстицких дел»[1].

Второй пункт определял состав коллегии, в которую входили: архиепископ Могилевскии, один из епископов, один из прелатов - инфулатов и из каждой из шести епархий по одному прелату или канонику, избираемых капитулами через каждые три года[2].

Третий пункт повелевал всем структурам римско-католической церкви и духовенству «в отправлении дел и должностей своих поступать по законам и правилам церкви их», а так же наблюдать внешнюю жизнь и «внешнее церковное сообщество», охраняя при этом «по долгу верноподданнической присяги права Самодержавной власти, Государственные узаконения и Высочайший интерес»[3].

В четвертом пункте говорится, что жалобы архиереев и апелляции на консисторию нужно подавать в коллегию. Так же в нем определен порядок решения разводных дел, согласно которому, на первом этапе дело рассматривала консистория по месту жительства разводящихся. В случае их несогласия с решением по определению коллегии дело передавалось в другую консисторию. В случае совпадения мнений двух консисторий дело закрывалось, а в случае несовпадения передавалось в коллегию для окончательного вердикта[4].

Пятый пункт разрешал монастырям иметь своих орденских начальников (провинциалов), но запрещал им иметь отношения с генералами монашеских орденов под страхом уголовного суда. «Провинциалы, которые хотя и не суть подвластны Архиереям», должны «по общему духовному в Епархии их начальству» докладывать епископам про переходы и отлучки монахов, выборы монашеских начальников, состояние монастырей, монашествующих и жительствующих в них, а так же про имения, капиталы, доходы и заведения.

Далее подробно разбирался случай с выборами провинциала. В документе сказано: «Архиереям не вступаться в распоряжения монастырские и выборы монашеские, однако же в случае смерти орденского Начальника или Провинциала, по должном донесении им об оном чрез Настоятеля монастыря, доносить им об оном Коллегии, которая и имеет распорядить, чтобы выбор в орденские Начальники или Провинциалы произведен был на законном основании». При этом кандидатуру выбранного начальника на утверждение архиерею представляет орден.

Так же, согласно п. 5, архиерей должен посещать время от времени монастыри, обозревать заведения их и особенно смотреть за преподаванием наук. Кроме этого, он обязан принимать жалобы на орденского начальника, входить в рассмотрение обстоятельств, и если найдет нарушения, сообщать в коллегию[5].

Шестой пункт напоминает архиереям, чтобы они ни в своих епархиях, ни в других не имели приходов, а белому духовенству более одного прихода не давали. Так же им предписывалось не нарушать прав ктиторов в одобрении ими достойных особ к получению приходов в ктиторских владениях. Рекомендовано было так же сведения «о помещении на вакантные места Архимандритов в монастырях

[1] ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. 26. № 20053. С. 827..
[2] Там же.
[3] ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. 26. № 20053. С. 827.
[4] Там же.
[4] ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. 26. № 20053. С. 828.

и при церквах Епископов, Суффраганов и митрою удостоенных Аббатов представлять Коллегии...»[1].

Седьмой пункт Положения гарантировал монастырям и церквам сохранение их имений и капиталов в целости. Здания и фундуши, определенные для семинарий, училищ и богаделен, должны были сохранить именно эти функции[2].

Восьмой, заключительный, пункт документа формулировал обобщенно главную функцию духовной коллегии, которая заключалась в том, чтобы «иметь чрез Епархиальных Архиереев полное и достаточное сведение о монастырях, церквах и духовенстве, о всех духовных заведениях, имениях и капиталах, о всяких достойных уважения происшествиях...»[3].

Анализ «Положения», утвержденного 13 ноября 1801 г., показывает следующее. Во-первых, переименование «Департамента Римско-Католических Юстицких дел» в «Римско-Католическую Духовную Коллегию» поднимало статус руководящего органа католической конфессии России до правительственного учреждения. К тому же из состава коллегии были убраны гражданские лица, что ослабляло контроль со стороны государства. Во-вторых, был определен очень четкий порядок решения разводных дел, чего ранее никак не могли добиться. В-третьих, «Положение», с одной стороны, гарантировало монастырям и церквам сохранение их имений, фундушей и зданий, а, с другой стороны, запрещало архиереям иметь приходы, а белому духовенству - не более одного.

Главная проблема, решаемая «Положением», заключалась в соотношении власти епархиальных архиереев, провинциалов и духовной коллегии. Документ разрешал иметь монастырям орденских начальников (провинциалов), но переподчинял их епископам и запрещал общаться с орденскими генералами. «Положение» установило смешанный порядок выборов провинциала в случае смерти предыдущего. Право выборов предоставлялось монахам, но избранный провинциал утверждался епархиальным архиереем, а потом еще и коллегией. Так же коллегия утверждала кандидатов на вакантные должности суффраганов, архимандритов и аббатов. Как нам представляется, подводя итоги сказанному, можно сделать вывод об определенном перераспределении властных полномочий между орденскими монастырями, епископами и коллегией. Если «Регламент» 1798 года делал упор на властных полномочиях епархиальных архиереев, а высочайше утвержденные пункты «Об управлении Римско-Католическим Духовенством в России» 1800 года увеличивали права орденов и монастырей, то «Положение» попыталось усилить автономию монашества и в то же время увеличило контроль высшего органа церковной иерархии над всеми подчиненными.

Не совсем корректным в связи с этим представляется сделанный в новейшей историографии проблемы вывод о том, что «политика властей в управлении Католической Церковью в Российской империи в начале XIX века проводилась по пути ослабления влияния архиепископа и епископской власти по отношению к монашеским орденам...»[4]. Формально правильный, тезис не учитывает одну существенную деталь: и главным епископом в РКЦ, и председателем в духовной коллегии был один человек - Станислав Сестренцевич. Он потерял определенную, совсем небольшую часть своих властных прерогатив в 1801 году, но взамен вернулся к управлению РКЦ в России еще на четверть века.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным сделать вывод о том, что Станислав Сестренцевич-Богуш был принципиальным сторонником концепции сильной церковной власти. Более полувека находясь во главе РКЦ России (1772-1826), он выстраивал свою «вертикаль» церковной иерархии и наибольших успехов при этом достиг в царствование Павла I.

© Галанов М.М.

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской в последней четверти XVIII-начале XX вв. СПб, 2008. С. 88.